



[1]

Тайны истории - Царь-монах [1]

- 18 сентября, 2013 - 00:28
- [0 комментариев](#) [2]

Во всей мировой истории нет такого случая, чтобы государь могущественной державы тайно ушел от власти и умер через много лет в полной безвестности. Диоклетиан? Но, отказавшись от власти, он удалился не в «пустыню», а просто в частную жизнь, как и Сулла, занявшийся выращиванием капусты. Карл V? Но он и в монастыре Святого Юста не забывал государственных дел и был окружен комфортом, которому позавидовал бы любой герцог. Были великие государи Индии - великие духом. Чандрагупты Маурья, император Ашока, после длительного царствования принял монашеский сан. Все эти судьбы глубоко индивидуальны. Как правило, от власти не отказываются. Таких героев духа не больше, чем пальцев на одной руке.

Однако... Осенью 1836 года к кузнице на окраине города Красноуфимска (Пермская губерния) подъехал верхом бедно, но чисто одетый высокий человек преклонного возраста. Он попросил подковать ему лошадь. Облик его и манера речи показались кузнецу и находившимся в кузнице людям странными. Задержанный и направленный в городскую тюрьму, он назвался крестьянином Федором Кузьмичом, объявил себя бродягой, не помнящим родства. Его судили именно за бродяжничество и сослали в Сибирь на поселение, предварительно наказав еще 20-ю ударами плети.

Дано было знать Николаю I, и по распоряжению Его Величества на место происшествия был прислан великий князь Михаил Павлович. Он, по приезде своем в город, явился в острог и первым посетил старца Федора Кузьмича. Князь сильно разгневался на местных начальников, хотел их привлечь к суду, но старец уговорил его оставить все в забвении. Так начался сибирский период жизни загадочного старца - долгий 28-летний период. Казаки, купцы, крестьяне, священники - все принимали горячее участие в его судьбе, так как его благочестие, врачебная помощь, религиозные беседы скоро стяжали ему ореол праведности и прозорливости. Но сам он считал себя грешником и, где бы ни случалось ему жить, большую часть времени проводил в молитве.

О своем прошлом Федор Кузьмич не говорил никому. Лишь иногда в его речах слушателей поражало такое глубокое знание событий 1812года, такие подробные воспоминания о жизни высших петербургских кругов, какие могли бы быть достоянием только их непосредственного участника. В Сибири, на реке Енисей, Федор Кузьмич проживал одно время у богатого крестьянина Ивана Гавриловича Латышева на его пасеке.

О пребывании его у Латышева остались воспоминания современников: «Однажды на пасеке был граф Толстой, который приехал утром и просидел у него до позднего вечера». «Как-то старец Федор приходит к церковному старосте Парамонову. У Парамонова в это время жил сапожник, бывший солдат Оленьев. Увидев Федора Кузьмича, Оленьев бросился к старцу с криком: «Это царь наш, батюшка Александр Петрович!» Солдат отдал ему честь по-военному. Тогда старец сказал: «Мне не следует воздавать воинской почести, я бродяга; тебя за это возьмут в острог, а меня здесь не будет. Ты ни кому не говори, что я царь». Однажды не далеко от кельи крестьяне выполняли полевые работы и пели песню: *Ездил русский белый царь, Православный государь Из своей земли далекой Злобу поражать...* Старец Федор услышал песню, задрожал, заплакал и ушел в свою келью, а затем подозвал одного работника и приказал прекратить пение и больше не петь песни об Александре I.

Отец Георгий Белоусов говорил, что старец не причащался, потому как он сам говорил о себе, что он уже отпет. Самым близким другом старца была одна бедная сирота, крестьянка Александра Никифоровна, которой он заменил умерших родителей. Проведя свое детство около старца, она переняла от него мистический опыт и решила отправиться странствовать по русским монастырям. И в 1849году, снабженная старцем подробными сведениями о маршруте путешествия, о монастырях, о лицах, пустилась в далекий путь. - Как бы мне увидеть царя? - говорила она старцу, расспрашивая его о высокопоставленных лицах. - Погоди, - отвечал он. - Не одного царя на своем

веку увидеть придется, Бог даст, и разговаривать с ним будешь...

Этим словам батюшки суждено было сбыться. Следуя данной ей инструкции, Александра Никифоровна разыскала в Почаеве графиню Остен-Сакен [3]. Молодая сибирячка очень понравилась Остен-Сакенам, и они приютили ее у себя на несколько месяцев. Случилось так, что к графу приехал император Николай. Странница была представлена ему и тоже заслужила его симпатию. Он с ней долго беседовал, расспрашивая о Сибири. Бойкая и смышленная девушка не растерялась от такой удивительной встречи и отвечала императору на все его вопросы. - Вот какая у тебя смелая гостья, - говорит государь Остен-Сакену. - А чего же мне бояться? Со мной Бог да, святыми молитвами, старец Федор Кузьмич, а вы все такие добрые: ишь как меня угощаете! Граф улыбнулся, а царь как бы насупился. Уезжая, император велел Остен-Сакену дать девушке записку-пропуск на случай, если бы она поехала в Петербург.

Запиской путешественница не воспользовалась, прожила три месяца у графа и, посетив несколько окрестных монастырей, вернулась домой. Федор Кузьмич долго ее расспрашивал и внимательно выслушивал, а потом задумался. Александра посмотрела на него, и говорит: - Батюшка, как вы на императора Александра Павловича похожи! Старец нахмурился и строго спрашивает: - Кто научил так сказать? Девушка испугалась и ответила, что видела во весь рост портрет Александра I у графа и что он так же руку держит, как государь. На это старец ничего ей не ответил, а вышел в другую комнату, заплакал и утирал слезы рукавом рубашки. Когда-то, в минуту величайшей опасности для страны, государь Александр I обмолвился, что лучше отпустит себе бороду и уйдет в сермяге по дорогам, чем покорится врагу.

Император имел намерение оставить трон и удалиться от мира, об этом он открыто высказывался еще в сентябре 1817 года. И это не было красивой мечтой. Он настойчиво повторяет об этом намерении: в 1819 году летом – великому князю Николаю Павловичу, осенью - великому князю Константину Павловичу; в 1824 говорит Васильчикову, что был бы рад избавиться от гнетущей его короны, и весной 1825 года, всего только за несколько месяцев до таганрогской катастрофы, подтверждает принцу Оранскому свое решение. Царь-батюшка Александр I был человеком, чья совесть истекала кровью от величайшего преступления, от того, через что другой перешагнул бы, не замечая: он убедился за 20 лет царствования в невозможности озарения государственности светом высших начал. Еще Иисус сказал, что миром правит тьма.

И вот наступило время не слов, а дел. Созрела идея уйти в армяке, как простой мещанин, поступить в послушание подвижнику, который прославил себя мудростью и чистотой жития. Молиться всю оставшуюся жизнь, очищая себя и искупая грехи. Молиться за Россию. За грешный кровавый царский род. За всех! За весь народ, уже покрытый тенью чего-то непостижимо страшного. Ранней осенью 1825 года тщательно продуманный план приводит императора в Таганрог. Рубеж жизни достигнут, совершается небывалый поворот судьбы. К государю не допускается никто, кроме императрицы, лейб-медика и камердинера. Затем приносится гроб. В это время из Таганрога на север выходит высокий пожилой путник в одежде простолюдина, с мешком за плечами, с палкой в аристократически маленькой руке. А во дворце гроб завинчивают и заливают свинцом. Россия оповещается о скорбном событии. И гроб везут через всю страну, чтобы в Петербурге опустить его в усыпальницу царской фамилии...

После революции историческая наука, ставшая послушной рабой, поспешила дискредитировать имена многих деятелей прошлого, но мало к кому она отнеслась столь враждебно, как к Александру I. Его образ развенчали, стремились унижить, измелить, запачкать, стремились сделать психологически нелепым самое предложение о реальности его ухода. На «легенду» о старце Федоре Кузьмиче опустилось точно заговорщицкое молчание, и даже тот потрясающий исторический факт, что при вскрытии гробниц Петропавловской крепости гроб Александра I оказался пустым, остался почти никому не известен. ...В конце 1825 года в Саровскую обитель прибыл неизвестный человек средних лет. Его исповедовал сам преподобный Серафим, и вновь прибывший был принят в монастырь под начало святого отца как послушник под именем Федор. Его происхождение и прошлое остались неизвестными никому, кроме преподобного.

Вскоре умерла императрица Елизавета. Новый государь наложил руку на ее письма и дневники, прочитал их и собственноручно сжег в камине. Прошло немного времени, и в Саровскую обитель пожаловал государь император. После службы и трапезы государь удалился в келью настоятеля. Там братья и встретились. О чем они беседовали? О чем бы Александр ни просил, в чем бы ни увещевал брата, как ни пытался передать ему выстраданные знания, они говорили на разных языках. Государь вернулся в Петербург. Логика власти продолжала свой неукоснительный ход. Князь В.В. Барятинский в своей книге «Царственный мистик», посвященной императору Александру I – старцу Федору Кузьмичу, сделал 1 мая 1912 года в Лондоне такое заключение: - По-моему, император Александр I не умер в Таганроге, а удалился от мира и скончался в 1864 году в образе Федора Кузьмича... В этом я убедился, изучая доводы и документы противников такой точки зрения. К сожалению, и сегодня, спустя полтора века после этих таинственных событий, ясности в истории ухода императора Александра-Освободителя не добавилось.

Николай Пыряев.

Метка:

[История](#) ^[4]

Раздел:

[История](#) ^[5]

Флажок:

Featured

Слайдшоу:

Slide Show

Картинка статьи:

Picture Posts

Source URL: <https://volkhov.ru/node/1>

Ссылки

[1] <https://volkhov.ru/node/1>

[2] <https://volkhov.ru/node/1#comment-form>

[3] <http://ru.rodovid.org/wk/%D0%97%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%81%D1%8C:111855>

[4] <https://volkhov.ru/taxonomy/term/28>

[5] <https://volkhov.ru/taxonomy/term/11>